

REVIEWS * ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

ГЕОРГИЙ КЕРТ (Петрозаводск)

СЛОВО ОБ УЧИТЕЛЕ

В жизни мне, наверное, очень повезло. На моем пути встречалось много хороших людей — учителей в прямом смысле этого слова. Одним из них был профессор Тартуского государственного университета Пауль Аристэ.

Познакомился я с ним в январе 1947 года, когда учился на финно-угорском отделении Восточного факультета Ленинградского государственного университета. Кафедрой финно-угорской филологии заведовал член-корреспондент АН СССР профессор Дмитрий Владимирович Бубрих. По его инициативе в то время была организована после войны первая Всесоюзная научная конференция по вопросам финно-угорской филологии.

Кафедра была небольшая. Хорошо помню, финский язык преподавали нам Э. П. Нюстрем и И. Норанц, венгерский — В. Люблинская. Историю финно-угорских народов читал А. И. Попов. Д. В. Бубрих вел несколько курсов: введение в финно-угроведение, сравнительная грамматика финно-угорских языков, мордовский язык и другие. Поскольку кафедра была малочисленна, заботы по организации конференции несли и студенты. Однажды Д. В. Бубрих предложил нам ехать на вокзал для встречи эстонской делегации. В числе прочих студентов вызвался встречать и я. И вот мы на перроне вокзала. Поезд остановился, из вагона вышла делегация Тартуского университета во главе с профессором П. Аристэ. В ее составе были доценты Паула Пальмеос, Арнольд Касък, Эдуард Лаугасте и научный сотрудник Айли Универе. Предполагалось участие академика Й. В. Вески, но из-за болезни он не приехал. Говорят, первые впечатления являются и самыми сильными. Наибольшее впечатление на всех произвел П. Аристэ. Из вагона вышел стройный молодежавый спортивного сложения человек с открытой улыбкой и бросился к профессору Бубриху. Они были знакомы еще до войны: Д. В. Бубрих приезжал в Эстонию и делал доклад в Эстонском научном обществе.

Конференция открылась 23 января утром в актовом зале университета. Зал был полон. Открыл конференцию ректор Ленинградского университета профессор А. Вознесенский. Первым на пленарном заседании выступил академик И. Мещанинов с докладом «Новое учение о языке на современном этапе развития». Следующим был доклад Д. В. Бубриха «Советское финно-угорское языкознание». Кроме того, он прочел доклад «Происхождение карельского народа». Здесь же на пленарном заседании с докладом «Происхождение водского языка» выступил Пауль Аристэ. Он доказывал, что водский язык является самостоятельным языком в прибалтийско-финской группе и по своему происхождению близок диалектам эстонского языка. В 1948 году вышла «Грамматика водского языка» П. Аристэ, экземпляр которой с его дарственной надписью хранится у меня в библиотеке. Кроме того, на секционном заседании П. Аристэ выступил с докладом «Произошел ли в южноэстонских диалектах переход *t* в конце слова в гортанный

взрывной». В истории отечественного финно-угроведения это была первая как по представительству ученых, так и по глубине исследуемых проблем конференция. На ней решались и организационные вопросы: были избраны Комиссия по работе в области финно-угроведения при Ленинградском государственном университете и Институте языка и мышления АН СССР, в состав которой вошел и П. Аристэ, редакционно-издательская коллегия (при указанной комиссии) в составе академика И. Мещанинова, профессоров Д. Бубриха и П. Аристэ. Был намечен ряд изданий.

В 1950 году я закончил Ленинградский университет и поступил в аспирантуру Карельского филиала АН СССР с прикомандированием к Институту языкознания АН СССР в Ленинграде. В том же году в советском языкознании произошло событие, благодаря которому я некоторое время учился у профессора П. Аристэ в Тартуском университете. В июне 1950 года завершилась проходившая на страницах «Правды» дискуссия по вопросам языкознания, после которой сравнительно-исторический метод обрел права гражданства. Одним из ведущих представителей этого метода в советском финно-угорском языкознании после кончины Д. В. Бубриха был П. Аристэ. Решением Президиума Отделения литературы и языка АН СССР он стал моим научным консультантом.

После оживленного Ленинграда Тарту показался тихим городком. Особенно заметно в нем присутствие студентов, как правило, всегда в форменных студенческих фуражках с синим околышем. Поселили нас с М. Куусиненом (аспирантом П. Аристэ) в студенческом общежитии на ул. Няйтусе. Тема диссертации у меня была «М-овые инфинитивные формы в финском литературном языке (т.н. III инфинитив)». Мы не были тогда у П. Аристэ единственными аспирантами. По марийскому языку писала диссертацию Л. Васикова, аспирантами были Э. Вяяри и Х. Рятсеп. В Тарту к профессору П. Аристэ приезжали выпускники Ленинградского университета Т. Ширяева и З. Дубровина. Для нас с М. Куусиненом П. Аристэ читал курсы истории финского литературного языка и сравнительной грамматики прибалтийско-финских языков. Особенно педантичен был он в отношении консультаций. Каждую неделю мы должны были докладывать о проделанной работе, и упаси Бог, если кто-то приходил, не выполнив задания. Все консультации аккуратно записывались в тетрадь с его обязательной росписью. У меня и сейчас хранится эта тетрадь. Его требовательность и благожелательность, увлеченность своим делом создавали тот настрой, который позволял преодолевать все трудности.

Возглавляемая Паулем Аристэ кафедра финно-угорской филологии наряду с Институтом языкознания АН СССР стала центром финно-угорского языкознания в Советском Союзе. В Тартуском университете на Ученом совете по защите диссертаций по финно-угроведению, возглавляемом П. Аристэ, защитили кандидатские диссертации А. Морозова, М. Куусинен, М. Зайцева, М. Муллонен, А. Баранцев, В. Рягоев, Н. Мамонтова, А. Пунжина, Л. Маркианова, В. Федотова, П. Зайков, И. Муллонен, Ю. Коппалева (Сюръялайнен).

Запомнились встречи с ним в нерабочей обстановке. Как правило, всех приезжающих в Тарту П. Аристэ приглашал в кафе напротив университета. Здесь за чашкой кофе он подробно и участливо расспрашивал нас о занятиях, домашних делах и о многом другом. Сам был великолепным рассказчиком. За то время мы услышали от него столько забавных историй об известных финно-угрооведах, сколько не приходилось слышать ни раньше, ни потом. Случались между нами и доверительные беседы, в частности, о судьбе моих родных. Моя теть (сестра моего отца) Мария Антоновна жила в Эстонии недалеко от городка Пыльтсамаа. У нее было хорошее хозяйство. Еще студентом, я приезжал к ней на лето, не только с целью узнать вновь обретенных родственников, но и «подкормиться» после скудного студенческого рациона. К сожалению, ее не обошла трагическая судьба многих эстонцев. Она была выслана в Сибирь и вернулась совершенно больной.

И, конечно же, мы бывали у П. Аристэ дома. С благоговением знакомились с его прекрасной библиотекой, рассматривали редкие книги, которые отнюдь не редко стоят на полках его библиотеки. Книги из этой уникальной библиотеки мог получить каждый, входивший в этот дом, необходимо было только оставить карточку с библиографическими данными. По достоинству оценили мы кулинарные способности его супруги Эрны.

Как-то П. Аристэ предложил нам с М. Куусиненом съездить к его знакомой, живущей в лесной избушке (уже не помню, где это было). Машину вела Эрна с приличной скоростью, как говорят спортсмены, «на грани фола», но все окончилось благополучно. Приехали мы — в царство Берендея. На территории дома из различных подручных материалов были сооружены фигурки леших, домовых и других сказочных чудовищ. Помнится, я долго сидел над гостевой книгой, пытаюсь передать впечатления от этого сказочного царства.

С тех пор я встречался с ним довольно часто. Это происходило и во время всесоюзных финно-угорских конференций, и во время моих приездов в Тарту. Помню его собранность и сосредоточенность, когда, будучи Президентом III Международного конгресса финно-угроведов (Таллинн, 1970), он открывал конгресс. В числе прочих задач финно-угроведения П. Аристэ особенно ратовал за налаживание более тесных связей между разными научными сферами и учеными из разных стран. Мы часто встречались на заседаниях специализированного совета по защите докторских диссертаций в Тартуском университете. Он в прямом смысле пестовал молодежь, входящую в финно-угроведение, сколько доброжелательности было в его выступлениях в качестве официального оппонента.

Несомненно влияние профессора на развитие финно-угроведения во всех национальных республиках с финно-угорским населением. Оно сказывалось как в непосредственной подготовке кадров для республик, так и в тех идеях, которые он выдвигал. Для Карелии он подготовил аспирантов по финскому языку — А. Морозову и М. Куусинена, вепсскому — М. Зайцеву и карельскому — А. Баранцева. Для нас — ученых Карельской АССР, занимающихся исследованием прибалтийско-финских и саамского языков, чрезвычайно плодотворными представляются идеи, выдвинутые П. Аристэ в исключительно интересной статье «Формирование прибалтийско-финских языков в древнейший период их развития». Не устаешь поражаться интуиции исследователя. Но это не какая-то мифическая интуиция, а основанная на знании материала и огромной эрудиции ученого способность к анализу огромного количества языковых данных. Не касаюсь специально неутомимой деятельности ученого в области языкознания, так как творческую деятельность, его пристрастия, стиль жизни обстоятельно описал в книге «Академик Пауль Аристэ» его ученик Хуно Рятсеп. По большому счету только время поможет полностью постичь ту огромную роль в развитии финно-угроведения, которую взял на себя академик П. Аристэ.

Заканчивая свое небольшое повествование, хотелось бы подчеркнуть еще одно качество профессора П. Аристэ — это простота, простота без напыщенности и позы — естественное состояние здорового морально и физически человека. Ученый, академик, кавалер многих орденов, член многочисленных научных зарубежных обществ, он всегда был приветлив и доступен каждому.

Говорят: учитель не тот, кто учит, а тот, у кого учатся. Для нас профессор П. Аристэ, сын рабочего и внук крестьянина, всегда остается Учителем с большой буквы.